

**Николай Никандрович
Никандров**

**Любовь Ксении
Дмитриевны**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Николай Никандрович Никандров

Любовь Ксении Дмитриевны / Николай Никандрович Никандров – М.: Книга по Требованию, 2011. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-2086-2

Настоящий сборник представляет читателю не переиздававшиеся более 70 лет произведения Н.Н.Никандрова (1868-1964), которого А.И.Солженицын назвал среди лучших писателей XX века (он поддержал и намерение выпустить эту книгу).

Творчество Н.Никандрова не укладывается в привычные рамки. Грубостью, шаржированностью образов он взрывал изысканную атмосферу Серебряного века. Экспрессивные элементы в его стиле возникли задолго до появления экспрессионизма как литературного направления. Бескомпромиссность, жесткость, нелюбимая его критики звучала диссонансом даже в острых спорах 20-х годов. А беспощадное осмеяние демагогии, ханжества, лицемерия, бездушности советской системы были осмотрительно приостановлены бдительной цензурой последующих десятилетий.

ISBN 978-5-4241-2086-2

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Николай Никандров

Любовь Ксении Дмитриевны

Повесть

I

На рынке, в узком проходе между двумя рядами одинаковых торговых будок, по архитектуре напоминающих голубятни и увешанных с фасада красными лентами, голубыми подвязками, зелеными подтяжками, коричневыми чулками, среди изнеможенно продиравшихся навстречу друг другу покупателей, в крутой людской тесноте, как в крутом тес те, неожиданно столкнулись лицом к лицу две молодые женщины.

Совсем не похожие одна на другую, они были, каждая по-своему, очень интересны, даже, пожалуй, красивы. По крайней мере об этом говорило то подчеркнутое внимание, с которым в них впивались глазами проходящие мимо мужчины.

Одна – светлая блондинка с просто душным русским лицом, вздернутым носом и широким румянцем на мячико-округлых щеках, одетая в длинный, маково-красный, под цвет щек, шерстяной платок с крупными кистями и в короткую, новую солдатскую шинель защитно-зеленого цвета под тон зеленым с желтинкой глазам, – выглядела типичной, переселившейся из деревни в столицу удачливой крестьянской бабенкой.

Другая – повыше ростом и похудошавее, смуглая брюнетка, с острым птичьим носом и с узкими миндалинами темных, осторожно высматриваю щих глаз – смахивала на образованную, потерпевшую какой-то важный жизненный крах иностранку. На ней было длинное вылинявшее шелковое пальто фиолетового цвета со стальным отливом и ярко-зеленая, издалека приковывающая взгляд, фетровая шляпка без полей, формой и краской напоминающая купол деревенской церкви.

Обе они – и русская в платке с кистями, и иностранка в шляпке куполом, – коснувшись в тесноте носами, с одинаково громадным изумлением посмотрели друг на друга в упор. Что-то знакомое, что-то чрезвычайно близкое, почти родственное пробудили они друг в друге. Однако увлекаемые безостановочным кружением рыночной толпы, как течением реки, они продолжали свой путь, одна в один конец галантерейного ряда, другая – в противоположный.

Молодые женщины, удаляясь одна от другой, прошли всего несколько шагов, когда вдруг, очевидно охваченные одним и тем же чувством, обе они одновременно обернулись назад. Взгляды их встретились. И на этот раз они уже остановились, став в нерешительности вполоборота друг к другу.

Маяча издали одна ярко-красным платком, другая – ярко-зеленой шляпкой, они одеревенело стояли на месте, как две вбитые в почву сваи, омываемые со всех сторон движущейся толпой, как текучей водой, и, потрясенные встречей, не замечая ничего другого вокруг, думали: "Где они могли видеть друг друга?" "Кто та, цветущая блондинка, в красном платке с кистями?" "Кто та, восковая брюнетка, в зеленой шляпке куполом?"

– Остановилась среди дороги и стоит, как не знаю кто! – налетела на мягкую спину стоявшей блондинки всей длиной своего узкого лица молоденькая девушка в пестром, как чешуя змеи, платочке, с хохолком на лбу, выпученными глазами дикарки, засмотревшаяся на ходу на разноцветный галантерейный товар, гилян-

дами развешанный слева и справа на будках. – Проходила бы или туда, или суда! – ненавистным женским взглядом уколола она одну щеку неподвижной блондинки, обходя ее, как обходят телеграфный столб.

– Вы сюда стоять пришли? – в то же время ворчливо спрашивала у стоявшей брюнетки низенькая, очень благообразная старушка с удобной палкой для ходьбы и с утиной раскачивающейся походкой, в синих больших очках и в черном чепце, похожая на жену священника, матушку-постницу. – Здесь не бульвар! – проговорила она грудным мужским одышливым голосом и продолжала раскачиваться, медленно идя дальше на своих трех коротких ногах. – Стоять и кавалеров поджидать идите на бульвар! Там таких много! В зеленых шляпках...

Но вот на бескровно-смуглом лице брюнетки вспыхнул румянец, она нервно улыбнулась, сделала головой движение решимости и направилась прямо к блондинке.

С трудом протискиваясь против течения толпы, она так наклонилась одним плечом вперед и с таким видом вытянула шею, точно тащила за собой тяжелый воз.

– И куда она прет?! – раздавались на ее пути злобные вопли, сверкали волчьих взгляды. – Скажите, пожалуйста, куда она прет?!

Но брюнетка в зеленом куполе не слышала ничего, не видела ничего.

– Скажите, вы не Гаша? – спросила она у блондинки задыхающимся от волнения голосом, и восковое желтое лицо ее под зеленой шляпкой сплошь покраснело, красивые томные глаза лихорадочно заблестели.

– Гаша, – утвердительно, нараспев, по-рязански, ответила блондинка, совершенно ошеломленным, отставленным назад лицом. – А вы откуда знаете, что я Гаша? – спросила она недоверчиво и заползала струхнувшими глазами вдоль и поперек фигуры незнакомки.

– Я Ксения Дмитриевна, помните, у которой вы до рево люции служили горничной? – задрожав, запинаясь, нервно задержав кожей лица, быстро проговорила брюнетка.

– Б-барыня?! – во весь голос вскричала, точно выстрелила, Гаша с чисто деревенским откровенным восторгом и всплеснула руками...

– Не говорите так, Гаша, не говорите, – тихо и торопливо перебила ее Ксения Дмитриевна. – Теперь барынь нету...

– Ничего, ничего, – заулыбалась обомлевшая Гаша. – Это я так. По привычке...

И в Москве, на Трубной площади, на "Универсальном рынке", в самом оживленном ряду этого рынка, галантерейном, в воскресенье, в двенадцать часов дня, в хорошую осеннюю по году, в ярком свете нежаркого сентябрьского солнца бывшая несколько лет тому назад горничной крестьянка Рязанской губернии Агафья Семеновна Афонина, прослезившись от радости, бросилась в объятия своей бывшей барыни, дворянки по происхождению, жены инженер-химика, Ксении Дмитриевны Беляевой.

Молодые женщины, обняв друг друга, слились в удивленном, стонущем поцелуе.

Ярко-красный платок и ярко-зеленая шляпка тесно при жались друг к другу, дробно затрепетали на месте над головами движущейся толпы, как две яркие весенние бабочки, радостно усевшиеся в погожий день на одном и том же остром кустике...

– Гражданки, не заставляйте товар, проходите дальше! – кричали на них из обоих рядов галантереи нервнолицые торговцы, скрюченно прыгающие внутри своих разукрашенных будок, как попугаи внутри клеток.

– Пройдемте, барыня, на тот бульвар и там поговорим, – предложила Гаша, красная, улыбающаяся, в веселых слезинках. – Я так рада, что встретила вас, я так часто вспоминала про вас.

– Гаша! – негромко, но убедительно произнесла Ксения Дмитриевна, следуя вместе со своей спутницей к выходу с базара. – Только вы, пожалуйста, не называйте меня барыней!

– Хорошо, хорошо, – проговорила Гаша и усмехнулась над собой: – Я все забываю.

– Не напоминайте мне о прошлом, о том времени, когда я была к вам так несправедлива, – прежним голосом быстро продолжала Ксения Дмитриевна, с опущенным, суровым, взволнованным лицом.

– Ну нет, – весело и решительно возразила Гаша. – Об вас я этого не могу сказать. Вы были для меня хорошей хозяйкой, не как ваша покойная матушка. Я никогда не забуду, как вы всегда жалели меня. Когда у вас дома вечерами засиживались гости, вы позволяли мне ложиться спать, не ожидая, когда разойдутся гости. А на другой день вы приходили ко мне на кухню и помогали мне перемывать после гостей посуду.

– Ого, вы даже это помните! – рассмеялась Ксения Дмитриевна, опустив лицо в землю, чрезвычайно довольная.

– А как же этого не помнить? – тоном значительности произнесла Гаша. – Я все помню.

Они вошли через боковые ворота на Цветной бульвар, сели на садовую скамейку, продолжали возбужденно расспрашивать друг друга.

Проходившие той же аллеей бульвара деловые мужчины всех классов и возрастов, поравнявшись с их скамьей, вдруг осаживали шаг, как резвые кони, наравнившиеся на неожиданное препятствие, и, скосив на молодых женщин большие, страдальчески обожающие глаза, продолжали идти другой, нежной, игривой поступью, как вальсирующие под музыку на цирковой арене лошади.

У Ксении Дмитриевны в руках был купленный на Трубном рынке фунт кислой капусты в протекающем кулечке. И, чтобы не испачкать капустным рассолом пальто, она сперва перекладывала кулечек в руках с боку на бок, потом положила его на доску скамейки рядом с собой.

Гаша точно таким же образом нервно вертела в руках свою покупку, небольшой, туго упакованный в белую бумагу сверток. Во время разговора она незаметно разрывала бумажную обертку, и из образовавшейся в белой бумаге дырочки вдруг весело глянула на Ксению Дмитриевну, как кусочек неба, голубая атласная материя.

– А как вы изменились, Ксения Дмитриевна, как побледнели, исхудали! – с сочувствием говорила Гаша и без стеснения всматривалась в лицо своей собеседницы.

– А вы, Гаша, так пополнели, раздобрели, что вас трудно узнать, – окинула взглядом Ксения Дмитриевна фигуру Гаши.

– Конечно, – тише и с сокрушением продолжала Гаша. – Я понимаю, вам при советской власти плохо...

– Ничего подобного! – горячо возразила Ксения Дмитриевна, и в ее темных глазах зажглись мучительные огоньки. – Я бы и при советской власти чувствовала себя хорошо, если бы не любовь к подлецу! Меня любовь к подлецу губит! А против советской власти я не имею ничего. Ведь я никогда не была монархисткой и сейчас со многими нововведениями коммунистов вполне согласна.

– Какая любовь? К какому подлецу? – испуганно округ лила зеленые глаза Гаша.

– Разве вы не помните моего мужа?

– Геннадия Павловича? Молодого барина? Как не по мнить! Тоже хороший был человек, обходительный...

– А оказался подлецом! – вставила Ксения Дмитриевна и изобразила на лице гримасу отчаяния: – Пять лет притворялся, на шестом году прорвался!

– Что так? – спросила Гаша и вдруг догадалась: – Он вас бросил?

Ксения Дмитриевна глубоко вздохнула. Потом, с иронической усмешкой, с язвительными кривляниями ответила:

– Да. Мы "разошлись", "по доброму согласию", "без скандала", "тихо", "культурно". И, разойдясь, мы решили "для прочности развода" тотчас же разъехаться в разные города. Он остался в Харькове, где мы с ним проканителелись последние два года, а я перебралась в Москву.

– Вот не ожидала, что вы с Геннадием Павловичем ког да-нибудь разведетесь! – удивилась Гаша. – Так хорошо жили!

– Я тоже этого не ожидала, – сказала печально Ксения Дмитриевна. – Когда сходились с ним, думала – будут одни розы, а оказались одни шипы. Да, Гаша, много вынесла я за эти годы, очень много...

И она кратко рассказала обо всех своих послереволюционных злоключениях...

...Революция отняла у нее небольшой домик в Москве, маленькую дачку под Москвой. И ничего этого она не жалеет: раз отобрали – значит, так нужно. Ее муж, Геннадий Павлович, тогда же лишился места, так как фабрика, на которой он служил химиком, остановилась. У нее с ним начались семейные нелады, ежедневные крупные разговоры по самым мелочным поводам. Что ни день, то он становился все раздражительней, придирался ко всяким пустякам, на каждом шагу попрекал ее, что она, окончившая "разные дурацкие гимназии", ничего не умеет делать, не знает никакой профессии, не в состоянии зарабатывать, интеллигентка, барыня, привыкшая пользоваться трудом домашних прислуг. Себя же он вдруг вообразил "новым человеком", "созвучным эпохе", надел высокие сапоги, кожаный картуз, ввел в обиходную речь неприличные слова, называл себя "черной костью", "простым рабочим", "человеком физического тру да", будучи на самом деле по происхождению дворянином, а по профессии инженером-химиком. "Прошло то время, когда женщина ловила мужчину и делала его своим мужем одной своей внешностью, пикантностью. Теперь, после Октябрьской революции, женщина берет нашего брата чем-то другим..."

– Ну да, – сказала Гаша, инстинктом женщины сразу принявшая сторону женщины. – Значит, пока вы имели кое-что из имущества, вы были хорошие для него, а как, благодаря революции, потеряли все и остались ни с чем, так стали вдруг плохие!

– И вот, – закончила свою скорбную повесть Ксения Дмитриевна, – без мужа,

без средств, без работы, без квартиры и, что самое ужасное, с безнадежной любовью к подлецу, брожу я теперь по Москве и брожу. С помощью старых московских друзей надеялась устроиться на какую-нибудь работу, отыскать для жилья какую-нибудь каморку. Но пока все безуспешно. Как попала сюда, на Трубиный рынок, – сама не знаю. Вот купила фунт квашеной капусты, – взяла она со скамьи подмокнувший кулек и перевернула его на другой бок, – думала тут, на бульваре, поесть ее...

– А вы поешьте, – смутилась и почему-то покраснела Гаша. – Или лучше пойдёмте ко мне обедать.

– Нет, спасибо, – отказалась Ксения Дмитриевна. – Есть мне не хочется, меня просто на кисленькое потянуло... Я не столько голодна, сколько утомлена. Не спала несколько ночей подряд. У меня нет своего угла. Комнаты нет. В Москве без больших денег невозможно достать себе комнату. И сегодня я ночую у одних, завтра у других, сегодня сплю на роскошной постели с пружинным матрацем, завтра валяюсь на голом полу в проходном коридоре, на сквозняке...

– Ксения Дмитриевна! – вскричала Гаша жалостливо и заморгала густыми рыжими ресницами. – Да ночуйте вы у меня! У меня все-таки просторно: две комнаты, калидор, кухня. И постелить есть что, и укрыться найдется чем.

– Спасибо, Гаша. Подумаю об этом. А вы замужем?

– Да. Вышла замуж. За того, помните, за Андрея, который тогда ко мне на кухню приходил.

– Помню, помню, – сощурила глаза Ксения Дмитриевна, припоминая. – Интересно, как вы с ним живете? Расскажите.

– Чего рассказывать-то, – сконфузилась Гаша. – Я не знаю, чего рассказывать. Нет ничего такого рассказывать.

– Рассказывайте, рассказывайте, – подбодрила, подтормошила ее Ксения Дмитриевна.

– Ну, поженились мы с ним... – начала Гаша, в смущении оторвала от обертки своей покупки клочок белой бумаги, скомкала его в кулаке, бросила под скамью. – Ну, он вскорости после этого сдал экзамен на шофера... – оторвала она еще клочок оберточной бумаги, смяла в руке и бросила туда же. – Ну, он поступил в гараж Наркомздрава... Он на машине ездит, я на машинке шью на больницы белье... Шить хорошо выучилась... Ну, живем мы с ним, с Андреем, конечно, хорошо, обоим довольные, он получает, я получаю... Ну, родили двоих детей, на детей тоже не можем пожаловаться, дети все-таки хорошие, слушаются, боятся, две девочки, одной годочек, другой три... Уже все рассказала, – вздохнула Гаша утомленно и подняла лицо: – Вот пройдемте сейчас к нам, тогда сразу все увидите, как мы живем. Пойдемте?

– Нет, Гаша, – соображала Ксения Дмитриевна. – Се годня я никак не могу. Сегодня я должна проехать по железной дороге за город, на одну подмосковную дачку, навестить старых друзей, у которых в этот приезд в Москву еще не была. Вот хорошие люди! Может быть, они помогут мне устроиться. Я рас считываю прогосить у них всю неделю. А в будущее воскресенье я с удовольствием зашла бы к вам.

– Ну смотрите же, не обманите!

– Нет, нет, Гаша. Непременно зайду. Мне самой интересно.

Они распрощались.

И – одна с промокшим кулком кислой капусты, другая с голубым атласом в изорванном свертке – пошли в разные стороны, обе насколько обрадованные встречей, настолько по чему-то и подавленные ею.

Зачем, для какой, собственно, цели они заговорили друг с другом? Не лучше ли было бы сделать так, как это делается теперь: притвориться не узнавшими друг друга и пройти мимо?

Кто знает, что за человек теперь Гаша? Кто знает, что за человек теперь Ксения Дмитриевна? Ведь в тот промежуток времени, в который они не виделись, прошла социальная революция.

II

– Ксения Дмитриевна! Дорогая! Наконец-то! – приветствовала гостью рослая, одутловатая, важная на вид, седовласая дама в очках, кормившая с крылечка дачки кур. – Давно пора, давно! – поцеловалась она с Ксенией Дмитриевной, держа в одной руке старый умывальный таз с просом, а другой обнимая вокруг шеи молодую женщину. – Совсем забыли нас! Нехорошо так делать, нехорошо! Но лучше поздно, чем никогда!

– Я много раз порывалась к вам, Марья Степановна, но все не удавалось собраться, – проговорила Ксения Дмитриевна, тронутая теплой встречей. – Вы знаете, как разбрасывает Москва?

– Чего же мы тут стоим? – хорошо улыбнулась ей под стариковскими очками Марья Степановна и выплеснула курам из дырявого таза остатки проса. – Тип-тип-тип... Пройдемте в комнаты.

Они поднялись по ступенькам на крыльцо дачки. Вся дачка – бревенчатая, с затейливой резьбой, с мезанинчиком в два крохотных оконца – походила на игрушечный домик в русском стиле из кустарного магазина.

– Очень хорошо, что пришли, очень хорошо, – обняла хозяйка гостью за талию и пропустила ее вперед себя в дверь. – А то к другим ко всем, слышим, заходите, а к нам нет. Думаем: не обиделись ли вы на нас за что-нибудь?

– Что вы, Марья Степановна, – проговорила гостя с не естественной от вечной внутренней боли улыбкой. – Разве я могу когда-нибудь обидеться на вас? Вы были самая близкая подруга моей матери, знаете меня с пеленок.

– Да, да, – вздохнула Марья Степановна, уже войдя в полутемную комнату. – Ваша покойная матушка, умирая, завещала мне заботиться о вас. И я всегда рада, чем смогу, помочь вам.

– Благодарю вас, Марья Степановна, благодарю, – повторяла растроганно гостя и после яркого уличного света приглядывалась к полупотемкам низкой комнаты.

– Боречка, поздоровайся, Липочка, поздоровайся, – наставительно произнесла Марья Степановна, проходя мимо своих внучат, мальчика лет восьми и девочки лет пяти, нагорбленно сидевших с широко раскинутыми локтями за большим столом в столовой.

Боря, с желтым косявым лицом и мутными глазами, держал в левой руке вырезанного из старого журнала Илью Му ромца на коне, а в правой ножницы с обломанными концами, похожие на рачьи клешни.

При приближении к нему незнакомой дамы в зеленой шляпке он ножницы из правой руки лениво переложил в зубы, а руку с вялой сырой кистью нехотя подал со своего места гостье.

– Встать надо! – прикрикнула на него бабушка, возмущенная его сонливостью. – Липочка, а ты? – тотчас же обратилась она к маленькой, ниже стола, девочке. – Боря уже поздоровался, и ты должна!

Липочка, стриженная под монашка, с ярко-пунцовыми, точно намалеванными, щечками, с живыми зверушечьими глазками, порывисто соскочила со стула, сделала несколько твердых шажков к гостю и молча подала ей без всякого пожатия выпрямленную, как деревяшка, руку.

– А что надо сказать? – с гордым видом спросила бабушка, необычайно довольная внучкой.

Внучка набрала полный животик воздухом, выпучила в пространство бессмысленные глазки, задрала вверх подбородочек и, точно ученица с последней парты, старательно выпалила:

– Спасибо!

Все рассмеялись.

– А ну вас совсем, – махнула рукой на детей бабушка и оставила блестящие стекла очков на Ксению Дмитриевну: – Хотите, тут посидим, хотите, выйдем посидеть на террасе?

– На воздухе лучше, – потянулась из мрачной комнаты Ксения Дмитриевна и толкнула перед собой широкую стеклянную дверь, ведущую на террасу.

Они уселись на крытой террасе друг возле друга в поскрипывающих плетеных креслах.

Со всех сторон их окружал старый хвойный лес, высокой стеной стоявший тут же, за палисадником, в каких-нибудь двадцати шагах от дома.

Красные стройные стволы сосен на всем пространстве леса равномерно чередовались с синими пышными елками, точно эlegantные кавалеры в золотых мундирах и томные дамы в широченных юбках, навсегда застывшие в неоконченной фигуре кадрили...

Лес так и дохнул на Ксению Дмитриевну вечным сумраком, жуткой глубиной, безжизненным покоем так и заговорил ее раскрывшейся душе о бесконечности времен, о безграничности пространств, о возможности жизни иной...

И ей не хотелось ни слушать очкастую Марью Степановну, ни самой говорить.

Хотелось только сидеть, смотреть на лес и молчать, отдыхать большой душой, погружаться всем своим существом в космическую материю, отдать себя во власть силам природы, единственно мудрым, раствориться в них без остатка.

Вот где лечить свое безумствующее сердце!

Вот у кого спрашивать от сумасшедшей любви совета!

– Ну, как же вы устроились в Москве? – спрашивала Марья Степановна. – Где служите? Много ли получаете? Хорошая ли у вас квартира или пока только одна комната?

– Устроилась я плохо... – делала мучительные усилия над собой, чтобы отвечать, Ксения Дмитриевна. – Вернее – никак не устроилась... Нигде не служу... Никак не могу найти комнату... Витаю в воздухе... может быть, вы, Марья Степановна, можете мне куда-нибудь поступить, на самое ничтожное жалованье, и расспросите у ваших знакомых, не найдется ли у них для меня какой-нибудь конурки, хотя бы темной?

Лицо Марьи Степановны, когда она выслушивала эти слова, вытягивалось, вытягивалось, вытягивалось.

– Как?! – не верила она своим ушам. – Вы еще нигде не служите? Вы до сих пор не могли отыскать себе комнату? Но вы ведь уже давно в Москве?

90

Ксения Дмитриевна повела темными бровями:

– Что же из того, что давно.

Марья Степановна продолжала испуганно разглядывать Ксению Дмитриевну. Уж не рассчитывает ли она, чего доброго, поселиться у них на даче? С вещами она прибыла к ним со станции или без вещей?

– Да, – спохватилась она с притворным участием. – А где же вы оставили вашу кошелочку? Вы, кажется, приехали к нам с кошелочкой?

– Да, – просто ответила гостя. – Я с чемоданчиком приехала. Я его в столовой на подоконнике оставила.

– То-то, – притворно успокоилась хозяйка. – А то у нас тут насчет этого приходится держать ухо востро. Того и гляди стащут. В особенности, если в вашей кошелочке заподозрят что-нибудь ценное.

– Нет, там ценного ничего нет. Самые пустяки. Смена белья, полотенце, кусок мыла.

Марья Степановна откинула седую голову на спинку кресла, вонзила очкатые глаза в дощатый потолок террасы и, чтобы заглушить поднимающийся из груди стон отчаянья, сдавленным голосом запела-замычала больше всего опrotивевший ей за лето мотив "Вихри враждебные"...

Она так и знала! Ксения Дмитриевна приехала к ним жить! "Смена белья"! "Полотенце"! "Кусок мыла"! Это как раз те предметы минимального домашнего обихода, с которыми путешествуют по чужим квартирам эти нигде не прописанные, не имеющие "жилой площади" московские кочевники!

– Неужели же, – заговорила она деревянным голосом в деревянный потолок террасы, – неужели же никто из ваших друзей и знакомых не мог посодействовать вам в отыскании комнаты, в определении на службу?

– В том-то и дело, что нет, – слабым голосом ответила Ксения Дмитриевна, не отрывающая глаз от манящего ее сумрака леса.

– Ведь что-нибудь надо же есть! Где-нибудь надо же ночевать! – трудно спросило с одного кресла у потолка.

– Ем я большею частью по знакомым... – трудно ответило с другого кресла лесу. – Сплю тоже... Вот сегодня, например, думаю просить разрешения переночевать у вас...

– Вих-ри враж-деб-ны-е... – еще глуше и еще медленнее замычал революционный мотив в утробе старой, консервативно настроенной женщины.

– Конечно, если только это не очень вас стеснит, – в смущении прибавила гостя.

– Тут дело не в стеснении... – туго, слово за словом, вылезало из сдавленного горла хозяйки и на полдороге застряло, так и не досказав, в чем же тут дело.

– Главное, – продолжала Ксения Дмитриевна, – я так устала, так расклеилась нравственно, не спав несколько ночей под ряд, что сейчас не мечтаю о большем счастье, чем то, если бы вы дали мне возможность хотя одну ночку поспать как следует.

– Да, конечно, – неопределенно ответила хозяйка. – Сон – великое дело. Сон для человека прежде всего. Сон даже важнее еды.

И они замолчали.

Было слышно, как ссорились в комнатах дети, как гонялись они друг за другом, как плакала Липочка и хохотал над ней Боречка...

На деревянное крыльцо террасы откуда-то с высоты бес шумно упал большой пухлый пятипалый лист цвета яичного желтка, похожий на оброненную желтую перчатку. За ним, рядом, упал такой же другой.

Ксения Дмитриевна страдальчески вздохнула.

– Осень в природе... Осень на душе... – с театральным пафосом произнесла она, глядя на пару желтых пухлых перчаток.

– Ну, до вашей-то осени еще далеко, – не согласилась с ней Марья Степановна и вдруг спросила: – А Геннадий Павлович вам часто пишет?

– Как когда, – ответила Ксения Дмитриевна. – То по два месяца от него нет ни одной строчки, то вдруг начнет сыпать письмами по два и по три в день. У этого человека все ненормально.

Ксения Дмитриевна немного помолчала, точно раздумывая, стоит ли об этом говорить, потом убито продолжала:

– И письмам его я не рада, он ими только тиранит меня. И мои письма, по его словам, действуют на него точно таким же образом.

– Зачем же вы тогда переписываетесь? Чтобы мучить друг друга?

– Я и сама не знаю.

– Раз он с вами так нехорошо поступил, вам надо как можно поскорее забыть его.

– Не могу я! – обратила вверх к вершинам деревьев восковое лицо Ксения Дмитриевна. – Не могу я его забыть,

и хочу, да не могу! – говорила она дрожащим голосом. – И сейчас, с тех пор как сошла с поезда на вашу платформу и увидела этот чудесный лес, я все время думаю только о нем. Вижу красоту природы, разговариваю с вами, а в груди не перестаю чувствовать тупую боль и знаю, что эта боль – он. Сама не понимаю, Марья Степановна, что это: разврат, привычка к определенному мужчине или еще что-нибудь, но только чувствую, что не проживу без него, зачахну, умру!

– А если так, – наблюдая за ее страданиями, заметила Марья Степановна, – того не надо было торопиться с разводом.

Ксения Дмитриевна болезненно улынулась вершинам деревьев.

– Нам невозможно было дольше тянуть, – простонала она. – Жизнь наша стала слишком невыносимой. Каждый день его придирки, каждый день мои слезы.

– И все-таки надо было терпеть, – настаивала старая женщина. – А как же мы терпели от ваших отцов, мы, ваши матери? – заговорила она с чувством. – Вы, нынешние, чересчур горячитесь. Чуть что-нибудь не по вас, как вы уже: развод, развод! А того не хотите сознавать, что, пока вы живете с мужем, у вас хотя определенное положение есть.

– Зато теперь у меня свобода есть, – сказала Ксения Дмитриевна.

– Свобода? – насмешливо заблестели глаза под очка ми у Марьи Степановны. – А какой вам толк от этой свободы? Ваш бывший муж, Геннадий Павлович, разве вам помогает?

– Нет!

– Ну вот видите! – сделала убеждающую мину Марья Степановна, потом